

АНАНЧЕНКОВА Полина Игоревна — кандидат экономических наук, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой экономики и социологии здравоохранения Национального НИИ общественного здоровья им. Н.А. Семашко (105064, Россия, г. Москва, ул. Воронцово Поле, 12, стр. 1; ananchenkova@yandex.ru)

БУДУЩЕЕ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ СТАРЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния глобального демографического старения на политические процессы, социальные приоритеты и международные отношения. В условиях увеличения доли пожилого населения в большинстве стран мира происходит трансформация электорального поведения, усиление геронтократических тенденций и перераспределение бюджетных расходов в пользу социального сектора, что ограничивает возможности проведения реформ и активной внешней политики. В работе рассматриваются стратегии адаптации национальных государств к старению населения. Автор обосновывает, что старение населения становится системным вызовом XXI в., требующим комплексного, международно согласованного ответа на уровне как внутренней, так и внешней политики.

Ключевые слова: демографическое старение, мировая политика, электоральное поведение, геронтократия, международное сотрудничество, межпоколенческий диалог

Мировая политика вступает в новую фазу, в которой демографическое старение становится одной из ключевых трансформационных сил. Уже к 2030 г. каждый шестой человек в мире будет старше 60 лет; численность такого населения возрастет с 1 млрд в 2020 г. до 1,4 млрд¹. При этом доля населения старше 65 лет выросла с 5,5% в 1974 г. до 10,3 % в 2024 г. и к 2074 г. может превысить 20,7%². Эти тенденции напрямую влияют на баланс сил в глобальной системе, изменяют приоритеты общественной политики и создают новые вызовы национальной безопасности.

По прогнозам ООН, к 2050 г. численность лиц старше 60 лет удвоится — до 2,1 млрд, а старше 80 лет — утроится (с 127 млн до 425 млн)³. Более того, к концу XXI в. численность людей старше 65 лет может превысить численность детей до 18 лет.

Снижение доли трудоспособного населения (15–64 года) с 67% в 2000 г. до прогнозируемых 57% в 2075 г. в развитых странах создает «демографический дефицит» [Блинова, Былина, Русановский 2020: 469]. Аналогичное явление наблюдается уже и в странах с низким уровнем дохода. Это означает рост нагрузки на пенсионные и социальные системы, снижение темпов экономического роста и усиление межпоколенческих конфликтов.

Старение населения в развитых демократиях оказывает все более ощутимое воздействие на политическую структуру, электоральное поведение и процессы принятия решений. Старшие возрастные когорты (65+) становятся все более значимыми участниками электорального процесса. Это связано с их относительно высокой политической активностью (уровень

¹ Старение и здоровье. Доступ: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health> (проверено 30.07.2025).

² Шербакова Е. Старшие поколения россиян, 2025 год. Доступ: <https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01079/barom01.php> (проверено 04.05.2025).

³ ВОЗ: к 2050 г. число людей старше 60 лет удвоится; необходимы кардинальные социальные перемены. Доступ: <https://www.who.int/ru/news/item/30-09-2015-who-number-of-people-over-60-years-set-to-double-by-2050-major-societal-changes-required> (проверено 04.05.2025).

участия в выборах среди пожилых выше, чем у молодежи), а также с абсолютным увеличением их численности. Увеличение числа пожилых избирателей приводит к так называемым геронтократическим сдвигам — политическим решениям, преимущественно ориентированным на интересы старшего поколения. Это проявляется в сохранении и расширении социальных льгот, пенсий и медицинского страхования в ущерб инвестициям в образование, цифровую инфраструктуру и программы занятости для молодежи. Подобные сдвиги усиливают бюджетное давление и снижают гибкость государственных стратегий развития. Политические партии, особенно в Европе, все чаще формируют повестку с учетом предпочтений пожилых избирателей. Это приводит к «консервативной политизации возраста» — преобладанию тем стабильности, социальной защиты, умеренной миграционной политики.

Такое смещение приоритетов вызывает напряженность между поколениями. Молодежь, не обладая сопоставимым электоральным влиянием, сталкивается с ограничением политического представительства и снижением уровня инвестиций в собственное будущее. Это усиливает запрос на альтернативные формы политической мобилизации — климатические движения, цифровой активизм, кампании за межпоколенческое равенство.

Рост доли пожилого населения затрудняет проведение структурных реформ, особенно в сферах труда, налогообложения и пенсионной системы. Пожилые избиратели часто демонстрируют сопротивление изменению статус-кво, что тормозит модернизационные процессы. Кроме того, в странах с парламентской системой может наблюдаться уклон в сторону краткосрочной социальной политики в ущерб стратегическому планированию.

Таким образом, политическая турбулентность, вызванная старением населения, приобретает устойчивый и институционализированный характер. Возраст становится не только демографической, но и политической категорией, влияющей на формирование национальных приоритетов, партийных программ и даже характера самой демократии. Это требует переосмысления моделей представительства, усиления межпоколенческого диалога и внедрения механизмов согласования интересов поколений в рамках устойчивой политической системы.

Демографическое старение оказывает значительное влияние на структуру бюджетных расходов, вызывая эффект *crowding-out*, когда ресурсы перераспределяются в пользу социальных программ — пенсий, здравоохранения и соцзащиты, что сокращает долю оборонных вложений. Эмпирические исследования, охватившие 150 стран в период 1992–2021 гг., подтвердили наличие такого эффекта: страны с большей долей лиц старше 65 лет направляют больше средств на социальные нужды, снижая военные траты [Вишневская 2021: 144]. Сильнее всего эффект выражен в «стареющих обществах» — с 20% и выше пожилых людей. Это ведет к снижению стратегического приоритета силовой экспансии и смещению внимания на внутреннюю стабильность.

Так, например, Китай и США демонстрируют противоположные демографические траектории, влияющие на их международный потенциал. Согласно экспертным данным, доля лиц старше 60 лет в КНР к 2040 г. может достигнуть 28% [Селиверстова 2020: 156]. Одновременно численность трудоспособного населения продолжит снижение: Китай имеет один из самых низких и быстро падающих уровней рождаемости, а ежегодная убыль населения превысила 850 тыс. чел. в 2022 г. [Сюй Яньли 2017: 81]. Прогнозы также указывают, что число граждан 60+ к 2035 г. превысит 450 млн (25% всего населения) [Fang

Lieming 2019: 41]. США, напротив, демонстрируют устойчивый прирост трудоспособного населения примерно на 10% к 2040 г. благодаря иммиграции и более высокому уровню рождаемости ($\approx 1,6$ детей на женщину), что существенно ниже порога воспроизводства, но компенсируется притоком мигрантов [Александров 2018]. Это придает Америке устойчивость в экономике и международных стратегических амбициях, позволяя сохранять и наращивать оборонный потенциал, не снижая при этом социальную поддержку.

Таким образом, демографическая устойчивость становится фактором стратегического превосходства, сдерживая Китай и усиливая США в геополитической конкуренции.

В странах ЕС стареющее население оказывает давление на политические институты. По данным Евростата, на 1 января 2024 г. на лиц 65+ приходилось 21,6% населения ЕС, в Германии — 22,4%, а Италии — около 24%, причем обе страны ожидают дальнейшего увеличения их доли до 28–30% в ближайшие десятилетия¹. В таких условиях электоральное влияние пожилых становится доминирующим, что ограничивает реформаторские маневры политических элит.

Пожилые избиратели активно выступают за сохранение социальных программ, избегая рискованных структурных изменений — будь то пенсионная реформа, миграционная политика или цифровизация экономики. Партии подстраиваются под эти предпочтения, перераспределяя акценты в сторону социальной стабильности, а не инноваций. Это ведет к политической инерции, когда внешняя политика ориентируется скорее на прогнозируемую внутреннюю поддержку, чем на гибкие стратегические инициативы.

Старение населения становится важным фактором, конструирующим новую парадигму мировой политики: военная активность сокращается, страны ориентируются на социальную устойчивость, геодемографическая конкуренция меняет баланс между гигантами, а возрастной электорат формирует политический курс государств. Это требует от международных акторов переосмысления стратегий: при планировании оборонных, социально-экономических и дипломатических инициатив следует учитывать демографический контекст.

Среди основных стратегий адаптации государственной политики к демографическому старению можно назвать следующие.

1. Повышение пенсионного возраста и пенсионных стимулов. В условиях роста доли пожилых граждан правительства реализуют пенсионные реформы, стремясь уравновесить демографические нагрузки и финансовую устойчивость пенсионных систем.

Так, в Германии с 2024 г. запланировано повышение пенсионного возраста до 67 лет к 2031 г. (минимальный возраст — 65,8 лет на момент реформы). Введены бонусы за отсрочку выхода на пенсию, включая единовременные выплаты и дополнительные взносы работодателей, что может увеличить

¹ Population structure and ageing. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Population_structure_and_ageing (accessed 05.04.2025)

заработок на 10,6% для добровольно работающих старших возрастов (60+)¹. Однако такие меры вызывают общественное недовольство, поскольку продолжение работы воспринимается как вынужденная мера, особенно там, где возрастные льготы укоренены в культуре труда.

В апреле 2023 г. парламент Франции повысил возраст выхода на пенсию с 62 до 64 лет, что спровоцировало массовые протесты (1–3,5 млн участников) и забастовки по всей стране².

2. Активизация миграционной политики. Государства с сокращающимся населением смягчают миграционные регуляции, признавая роль мигрантов в пополнении трудового резерва. Так, например, в Японии число иностранных жителей выросло с ≈300 000 чел. в 2008 г. до 3,76 млн на конец 2024 г., т.е. примерно 3% населения³. При этом в 2024 г. утвердилась новая государственная миграционная система для стажеров и квалифицированных работников, направленная на их долгосрочную интеграцию. Несмотря на гарвардские инициативы по приему 300 тыс. иностранных студентов с правом на работу, темпы прироста мигрантов остаются ограниченными культурными барьерами и националистическими настроениями⁴. Страны Европейского союза активно привлекают мигрантов для замещения «дефицита молодых» и балансировки пенсионных систем, что является важнейшим направлением адаптационной демографической политики.

3. Технологии продления трудового потенциала и *lifelong learning*. Высокая продолжительность жизни требует новых решений на рынке труда. *Lifelong learning* – непрерывное образование – становится ключевым инструментом. Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) рекомендует улучшать доступ к программам повышения квалификации и признавать компетенции, приобретенные в ходе работы. Существующие практики показывают эффективность инициатив в этом направлении.

В Германии за 20 лет средний возраст выхода на пенсию вырос благодаря реформам: пенсионный возраст поднят до 67, отменены досрочные пенсии, запущены программы обучения работников возраста 50+ [Хришкевич, Васильева 2019: 174]. США и другие страны используют гибкие формы занятости для более зрелых сотрудников (50+), сочетая занятость, поддержание здоровья и обучение.

В условиях глобальных демографических трендов формируются новые форматы международного сотрудничества. Среди них все более активное развитие получает демографическое измерение глобального управления. Демографическое старение все чаще рассматривается как фактор, влияющий на глобальные процессы управления, устойчивого развития и мировой безопасности. Вопросы старения населения регулярно поднимаются на форумах высокого уровня.

¹ Пенсионная система Германии: трехступенчатая модель и гарантии правительства. Доступ: <https://germania-online.diplo.de/ru-dz-ru/gesellschaft/neuerordner/2133574-2133574?enodia=eyJleHAiOiE3NDk2MzIxMzMsImNvbnRlbnQiOiBjb3N0IjoiZ2VybWFuaWEtb25saW5lLmRpcGxvLmRlIiwiaU291cmNlSVAiOiI1MS43Ny44OS4xNTUiLCJDb25maWdJRCI6IjhhYWRjZTEyYzYyZWZkMmMzOTMyYjk-0M2I1MmU5ZDZjZDY1MDU3NTRIMTYyMjE5YjZTFiYjVhZjE1YzBkNGJiZmUifQ==.ZKML94aCGG0v66tNcui58PfiMiMsLBbz-fjOgLUVZNTI=> (проверено 04.05.2025).

² Во Франции прошли манифестации против пенсионной реформы. Доступ: <https://ria.ru/20250606/frantsija-2021204175.html> (проверено 14.06.2025).

³ Population of Japan. URL: <https://database.earth/population/japan> (accessed 04.05.2025).

⁴ Japan's Immigration Problem. URL: https://www.dir.co.jp/english/research/report/others/20150529_009776.pdf?utm_source=chatgpt.com (accessed 04.05.2025).

ООН включает тему старения в резолюции с начала 1980-х гг., а в 2002 г. был принят Мадридский международный план действий по проблемам старения, который призвал государства учитывать интересы пожилых людей в стратегии развития [Сидоренко 2019: 36]. Тем не менее 20 лет спустя отчет ООН за 2022 г. указывает на слабую реализацию обязательств, фрагментарность подходов и отсутствие механизмов мониторинга исполнения [Кугач, Троина 2014: 156].

На саммитах *G20* и Всемирного экономического форума вопросы старения, как правило, обсуждаются в контексте устойчивости пенсионных систем и изменения рынка труда, но не системно включаются в повестку глобального развития, как, например, климат или цифровизация. Это создает «демографический вакуум» в международных институтах.

Проблема осложняется тем, что старение воспринимается как локальный вызов, в то время как его последствия носят транснациональный характер: это миграция, снижение производительности труда, рост глобального спроса на медицинские и социальные услуги, перераспределение инвестиционных потоков и изменение структуры глобального спроса.

Вместе с тем в условиях растущей глобальной демографической асимметрии назрела необходимость формирования новых институтов, способных координировать демографическую политику и формировать согласованные межгосударственные механизмы. В числе перспективных нами рассматриваются и предлагаются к научному обсуждению следующие направления:

1) формирование Международного агентства по демографической устойчивости. Аналогично ВОЗ или ВМО, такое агентство могло бы:

- вести глобальный мониторинг показателей старения, миграции и трудовой активности;

- координировать межстрановые исследования и обмен лучшими практиками в области «активного долголетия»;

- вырабатывать типовые международные нормы демографической политики (например, по пенсионной реформе или здравоохранению пожилых);

2) разработка механизма межпоколенческого согласования. Этот формат может включать:

- международные конференции и советы по «политике возраста»;

- включение представителей разных поколений в процесс разработки глобальной стратегии устойчивого старения;

- развитие диалога между молодежными и «серебряными» организациями в формате ООН, ECOSOC или Глобального договора;

3) заключение международных соглашений о взаимном признании пенсионных прав. В условиях растущей трудовой мобильности и диаспоризации целесообразно заключение соглашений между странами — членами интеграционных блоков (ЕС, ЕАЭС, АСЕАН и др.):

- о взаимном признании стажа, пенсионных накоплений и прав;

- переносимости социальных выплат для пожилых мигрантов;

- защите медицинских и социальных гарантий для пожилых граждан, находящихся за рубежом;

4) создание Глобального фонда «Солидарность поколений». По модели Глобального фонда борьбы со СПИДом/туберкулезом может быть создан целевой механизм финансирования программ активного старения, цифровой геронтологии, образования пожилых, развития инфраструктуры «умного ухода» в развивающихся странах.

Таким образом, в условиях старения населения в большинстве стран мира

международное сотрудничество в демографической сфере приобретает все более насыщенный характер. Сегодня мировое сообщество стоит перед необходимостью институционализации усилий по формированию глобального демографического режима, в котором вопросы возраста, справедливости и устойчивости будут занимать системное место наравне с климатической повесткой или цифровой трансформацией. Без этого существует риск усиления демографической фрагментации, роста межгосударственного и межпоколенческого неравенства и неспособности адаптироваться к изменениям, определяющим XXI в.

Демографическое старение — это структурный вызов, способный преобразовать мировую политику через изменение экономических ресурсов, электоральных приоритетов и национальной безопасности. Варианты адаптации — это пенсионные реформы, миграционная политика и технологические инновации, но все они нуждаются в международно согласованной стратегии. Создание эффективных глобальных институтов демографической координации станет важнейшей задачей будущего.

Список литературы

Александров Г.В. 2018. Современные тенденции развития демографической ситуации в США. — *Государственное управление: электронный вестник*. Вып. 68.

Блинова Т.В., Былина С.Г., Русановский В.А. 2020. Прогнозирование изменения численности населения сельских территорий России. — *Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН*. № 18. С. 466–482.

Вишневская Н.Т. 2021. Поддержание занятости работников старших возрастов в странах ОЭСР. Перенастройка механизма. — *Вопросы государственного и муниципального управления*. № 3. С. 135–154.

Кугач В.В., Троина С.Г. 2014. Деятельность Организации Объединенных Наций, Всемирной организации здравоохранения и Республики Беларусь по обеспечению здорового старения. — *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. Т. 13. № 3. С. 152–160.

Селиверстова Ю.А. 2020. Демографическое будущее Китая. — *Демографическое обозрение*. Т. 7. № 4. С. 149–165.

Сидоренко А.В. 2019. Мадридский международный план действий по проблемам старения: адаптация к стареющему обществу. — *Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник*. Вып. 17. *Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста*. С. 33–44.

Суй Яньли. 2017. Демографические аспекты развития системы пенсионного обеспечения КНР. — *Труд и социальные отношения*. 2017. Т. 28. № 3. С. 76–83.

Хришкевич Т.Г., Васильева Д.С. 2019. Реформы пенсионной системы ФРГ на рубеже XX–XXI вв. как элемент выравнивания «Восток — Запад». — *Метаморфозы истории*. № 13. С. 164–183.

Fang Lieming. 2019. Will China's "Two-child in One Family" Policy to Spur Population Growth Work? — *Population and Economics*. Vol. 3. Is. 2. P. 36–44.

ANANCHENKOVA Polina Igorevna, *Cand.Sci. (Econ.), Cand.Sci. (Soc.), Head of the Chair of Economics and Sociology of Health, N.A. Semashko National Research Institute of Public Health (bld. 1, 12 Vorontsovo Pole St, Moscow, Russia, 105064; ananchenkova@yandex.ru)*

THE FUTURE OF WORLD POLITICS IN THE CONTEXT OF THE AGING OF THE POPULATION

Abstract. *The article analyzes the impact of global demographic aging on political processes, social priorities and international relations. With the increasing proportion of the elderly population in most countries of the world, electoral behavior is transforming, gerontocratic tendencies are intensifying, and budget expenditures are redistributed in favor of the social sector, which limits opportunities for reform and active foreign policy. Special attention is paid to the comparative analysis of demographic stability of the leading world powers (USA and China), as well as the EU countries. The paper considers strategies for adapting nation states to the aging of the population, including pension reforms, easing migration legislation and the introduction of technologies for prolonging labor activity. The need for the formation of global demographic governance institutions, including the International Agency for Demographic Sustainability and the mechanism of intergenerational reconciliation, is highlighted. The author argues that population aging is becoming a systemic challenge of the 21st century, requiring a comprehensive, internationally agreed response at the level of both domestic and foreign policies.*

Keywords: *demographic aging, world politics, electoral behavior, gerontocracy, international cooperation, intergenerational dialogue*
